
РЕЦЕНЗИИ

ПОЭЗИЯ КРИТИКИ

**Сафронова Е. В. Улица с фонарями. Книга критических статей. —
Рязань: ИП Коняхин А. В. (Bookjet), 2023 — 388 с.**

Среди многочисленных ниш современного литпроцесса одна по-прежнему остается относительно свободной и открытой для пополнения. Речь, безусловно, о критике. Елена Сафронова — автор книги «Улица с фонарями» — знает, как заинтересовать своего читателя. Немного занимательности, значительная доля познавательности и обязательный элемент открытия — в итоге получаем универсальный рецепт хорошей критической статьи.

Название сборника — «Улица с фонарями» — определяет главную функцию критики в авторском понимании. Оно взято из известного высказывания Самуила Маршака: «Литература без критики подобна улице без фонарей», сделанного эпиграфом сборника. Ее же, критики, цель, в глазах Сафроновой — не только осветить не до конца изученные, «темные» зоны литпроцесса, но и высветить уже известные факты, судьбы, биографии в неожиданном ракурсе.

У четырех разделов книги есть особая драматургия. В каждой отдельно взятой работе присутствует и экспозиция, и завязка, и кульминация, и даже развязка. И своя образность.

Первый раздел — «Процессы» — представлен масштабными критическими обзорами. И первый же из них, посвященный современной российской прозе, имеет своеобразный центр притяжения. Довольно необычно сопоставление современного литпроцесса с катамараном, имеющим трехчастную структуру: корпус левый — «отсутствие положительных героев в романах и повестях наших современников», корпус правый — «сосредоточенность оных современников на жизненной боли, страхе, стрессе, травме» и балансирный поплавок — «развлекательная литература». Статья «Катамаран современной русской прозы» продолжает характерную для критического дискурса Е. Сафроновой тему: «...являются ли протагонисты современных книг героями в «героическом» смысле слова, продолжением стремления Федора Достоевского изобразить положительно прекрасного человека?» Для рассмотрения этого вопроса в данной статье критик привлекает сочинения авторов литературного мейнстрима, книг «премиальных» и широко распространенных на книжном рынке: З. Прилепина, Р. Сенчина, А. Иванова, Э. Веркина, А. Рубанова, А. Старобинец, О. Славниковой, Е. Некрасовой и т. д. Конечно, этим списком круг писателей — наших современников — далеко не исчерпывается. Например, у таких известных петербургских авторов, как Попов, Кураев, Обух, Мосова, Мелихов, как раз почти все герои «положительные». Критик говорит о тенденции, лежащей на поверхности, но не определяющей все текущую литературу. По мнению Сафроновой, по текстам указанных ею авторов просматривается пересмотр понятия положительного героя в литературе: таковыми становятся не самые благородные, а самые практичные либо «отчаянные» персонажи.

Все статьи раздела «Процессы» затрагивают актуальные, животрепещущие темы современного литпроцесса. Здесь и размышления о нашумевшем романе Яхиной «Зулейха», и обзор современных писательских биографий, и кропотливая оценка творчества двух именитых критиков — Ольги Балла и Александра Чанцева, и даже статья о сборнике новелл Бориса Акунина¹ «Нефритовые четки». Последняя написана и опубликована задолго до того, как беллетрист был признан иноагентом, и она сразу погружает нас в атмосферу интриги и неразгаданной тайны. В частности, исследуется круг европейских первоисточников книги, перечисленных Акуниным на титульном листе. Текст читается легко и занимательно, не лишаясь при этом должной информативности.

Во втором разделе книги — «Персоны» — собраны поэты разных эпох и разных литературных направлений. Михаил Лермонтов, Иван Бунин, Михаил Светлов, Евгений Винокуров, Николай Рубцов... Казалось бы, что может их объединять? Но не покидает ощущение чего-то единого, общего, угадываемого во всех историях. Вероятно, это попытка отыскать ключ к каждой биографии — понять уникальность творческой личности.

Вне всяких сомнений, оригинальность подачи материала — фирменный знак критической прозы Елены Сафроновой. Первая статья раздела («Лермонтов — родственник Байрона») имеет подзаголовок «Нота чужестранства в поэзии Лермонтова». О Лермонтове-чужестранце, одиноком скитальце и изгое, мы как будто слышали. Но многие ли знают о шотландских корнях поэта по отцовской линии? Эта подробность сразу включает творческую биографию Михаила Юрьевича в некий мифологический контекст, отсылающий нас к загадочной фигуре Томаса Рифмача из Эрседуна: «Михаил Юрьевич был уверен, что происходит из рода этого певца-сказителя, так как „мирская“ фамилия Томаса была Лермонт. Спустя восемьсот лет в этом не усомнились официальные лица и деятели культуры из России и Шотландии». Чем же все закон-

¹ Внесен Минюстом РФ в список иностранных агентов.

чилося? А закончилось тем, что спустя почти двести лет «мятежная и неприкаянная душа» поэта обрела свою шотландскую родину в Эрселдун-Эрлстоне, где относительно недавно ему был поставлен памятник.

Хрестоматийный Лермонтов уходит на задний план — вместо него возникает образ совсем другого автора — увлеченного книгами Вальтера Скотта, через всю жизнь пронесшего любовь и тоску по своей духовной родине, автора «Аула Бастунджи». Но даже в традиционных «Тучках» совершенно неожиданно высвечивается мотив мистической Шотландии, куда устремлены сокровенные мысли поэта.

Много любопытных фактов находим и в последующих статьях. Иван Бунин — «первый русский хейтер» — в итоге таковым не оказался в силу природного такта и нежелания называть (обзывать) «живого автора». «Блистательная ложь Михаила Светлова» не в том, что он «отказался от родовой фамилии Шейнкман и от отчества Аронович», а в системном нарушении им же самим выдвинутого в стихотворении «Живые поэты» правила «не бросать под колеса своих героев». Бросал, и довольно часто!

Евгений Винокуров — поэт-фронтовик, редактор отдела поэзии журналов «Октябрь» и «Новый мир» — на поверку оказался проникновенным лириком и автором эротической поэзии. Замыкающая этот ряд фигура Николая Рубцова воспринимается как самая трагическая фигура в истории советской литературы. К слову сказать, история непростых любовных отношений Рубцова и Дербиной известна многим не понаслышке.

В третьей части тетраптиха речь идет о земляках Сафроновой — рязанских малоизвестных поэтах Владимире Доронине и Александре Архипове. Это не традиционная дань, обусловленная принадлежностью своему региону. Это в какой-то мере и восполнение двух значимых пробелов в истории современной региональной литературы.

Владимир Доронин — автор, практически не издававшийся при жизни, окончивший свои дни в доме для престарелых — предстает перед читателем как выдающийся, скрупулезный критик и самобытный поэт, достойный пристального изучения потомками.

Что касается Александра Архипова, то о нем автор статьи отзывается как о «последнем, быть может, не рязанском, а российском имажинисте». Упоминается здесь и об одном досадном обстоятельстве — точнее, недоразумении, связанном с одним из лучших стихотворений Архипова «Коловрат». Вышло так, что в Интернете этот текст был напечатан с чужой подписью. Сафронова здесь проявляет себя не только как внимательный критик, но и как человек, с уважением относящийся к литературе и литературным фактам. «Скверно, если ошибка будет и дальше цепляться за ошибку. Автор прекрасного стихотворения достоин того, чтобы люди знали правду», — отмечает она в конце статьи.

Книга критических статей завершается разделом «Прямая речь». Здесь собраны интервью с разными писателями и культурными деятелями. Выбор интервьюируемых и, как следствие, самого предмета разговора подчиняется определенной логике. В каждом случае речь идет о какой-либо значимой фигуре литпроцесса или о заметном литературном явлении. Так начинается все с вопросов поэту и барду Александру Городницкому. И цель интервьюера — не просто что-то выяснить, а постепенно, по ходу действия, сформировать у читателя нравственный и духовный облик творца, живущего в соответствии с законами, установленными его же собственным творчеством. При этом самое интересное ожидает читателя в конце опроса:

«— Александр Моисеевич, последний вопрос остался. Он всего один, но один стоит целого блока вопросов. О жизненной стойкости...»

Далее автор опрашивает Евгения Попова и Михаила Гундарина — соавторов книги о Фазиле Искандере, автора «современной саги о космосе» Сергея Литвинова, со-

временного прозаика Илью Кочергина, «удалившегося от мира в рязанскую глубинку», и Владимира Новикова — знатока творчества и биографа Вениамина Каверина.

И всегда получается так, что непринужденный диалог перерастает в развернутую дискуссию, в контексте которой возникает образ неординарной, выдающейся личности на фоне эпохи. Человек и время, время, отраженное в человеке, человек, определивший собой облик времени, — пожалуй, все вращается вокруг этих глобальных тем. А еще каждое интервью — это история о духовном восхождении личности, ее «*стремление ввысь*», как указано самим автором в заголовке интервью о Каверине.

И вся книга, если вдуматься, не что иное, как приглашение читателя к диалогу, ненавязчивая просьба совершить духовное усилие и проникнуть в суть как самого литературного явления, так и частной судьбы творца, это явление составляющей, определяющей пути культурного развития социума.

Голос автора слышен в книге всегда — это наш путеводитель. Но нет в голосе ни категоричности, свойственной иной раз критику, ни жесткости, ни самодовольства. Есть спокойная констатация факта, интонация размышления и еле уловимая музыка — пульсирующий ритм эпохи или даже эпох, в единении с которыми и написана каждая статья. Оттого, быть может, книгу так легко и увлекательно читать.

А если принять во внимание образность и аллегоричность авторского языка, то напрашивается весьма любопытный вывод. Елена Сафронова стала своеобразным первооткрывателем в области литературы, создав ее новый жанр — поэзия критики.

Елена СЕВРЮГИНА